

Мы полагаем, что служебная биография В.Т. Золотницкого отвечает подобной стратегии. Сын священника, будущий писатель окончил семь из восьми классов Киевской академии и в 1760 году поступил в Московский университет, откуда в чине XIV-го класса и статусе личного дворянства был переведен преподавателем немецкого языка в Сухопутный корпус. Всего за время обучения Золотницкий освоил латынь, французский и немецкий языки и получил знания в области естественного права. В период обучения Золотницкий опубликовал перевод четырех басен в университетских журналах М.М. Хераскова «Полезное увеселение» и И.Г. Рейхеля «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия...». По мнению исследователей, тот круг иностранных авторов, переводы которых появлялись в университетских журналах, составлял содержательные практические занятия студентов в университете.

Начиная с 1763 года, автор с целью приобретения покровительства на службе публикует собственные произведения и посвящает их высокопоставленным лицам, при этом адресатами оказываются люди из ближайшего окружения Екатерины, принимавшие участие в перевороте в ее пользу. Сопоставление хронологии чиновничества с посвящениями позволяет заключить, что Золотницкий быстро достигает цели, поступая в 1764 г. к родственнику Паниных Б.А. Куракину в Коллегию экономики, а затем в штат П.И. Панина. Наконец, в 1787 г. автор был награжден орденом Св. Владимира IV степени, что позволило ему быть записанным в родословную книгу дворян Екатеринославской губернии [3, с. 161].

Образовательный и литературный опыт Золотницкого и его современников может быть проанализирован не только с точки зрения стратегии мобильности, но также интеллектуального «багажа» государственного служащего екатерининской эпохи.

Библиографический список

1. Осповат К. А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020.
2. Бекасова А. В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П. А. Румянцева: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
3. Заруба В. Н. Родословник екатеринославских дворян. Днепр, 2017.

Е.А. Светлова

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I СО СВОИМИ ДЕТЬМИ

Отношения императора Павла I со своими детьми были весьма сложными и многогранными, поскольку на протяжении жизни императрицы Екатерины II у Павла Петровича не было возможности по-настоящему

заботиться о своих сыновьях и дочерях. Царственная бабушка не подпускала Павла Петровича к воспитанию своих внуков. После же смерти императрицы в 1796 г., уже выросшие старшие дети Павла I были ему фактически чужими. Так, на момент восшествия Павла I на престол, его старшие сыновья были сформировавшимися личностями: Александру было 18 лет, а Константину 17, и оба уже были женаты. Соответственно, император относился к обоим братьям как к взрослым и, более того, порой чрезмерно требовательно, вследствие чего и Александр, и Константин побаивались своего отца. К 1801 г. отношения императора и его сыновей накалились до предела: сыновья откровенно боялись отца, а Павел I явно подозревал сыновей в неверности к себе. Факт этих отношений подтверждается записками командира эскадрона Конного полка Н. А. Саблукова, который стал свидетелем одной из последних семейных сцен 11 марта 1801 г.: «великий князь Александр вышел из двери <...> прокрадываясь, как испуганный заяц <...> В эту минуту <...> вошел император <...> и направился к нашей группе <...> Александр поспешно убежал в собственный апартамент; Константин стоял пораженный, с руками, бьющимися по карманам, словно безоружный человек, очутившийся перед медведем» [3, с. 104]. Однако, несмотря на подобные сложные отношения, все-таки некоторые современники в своих воспоминаниях открыто заявляли, что, хоть у императора и был сложный характер, но своим сыновьям он бы ничего не сделал. Вот, что пишет Август Коцебу: «Сомнительным представляется рассказ о том, будто Павел хотел заключить в крепость обоих великих князей. <...> Конечно, легко могло бы случиться, что в порыве гнева он приказал бы арестовать обоих великих князей на несколько дней. Но трудно допустить, чтобы ему когда-либо пришло в голову сослать их совершенно, ибо он всегда был и оставался нежным отцом» [2, с. 283].

О взаимоотношениях императора Павла I с его четырьмя дочерьми говорить весьма сложно, т.к. «старшая пара» — Александра и Елена к моменту восшествия на престол своего отца также считались уже вышедшими из детского возраста: Александре было 13 лет (в последние месяцы жизни Екатерины II ее уже сватали за шведского короля), а Елене почти 12. Через три года, в 1799 г. обе девушки были выданы замуж и покинули Россию. Со своим отцом они больше никогда не виделись. Следующим дочерям императора, Марии и Екатерине, на момент 1796 г. было 10 и 8 лет. При бабушке их тоже воспитывали как взрослых девушек, и их общение с отцом было минимальным.

В результате описанных выше особенностей в семье Романовых, настоящему Павлу I смог стать отцом только для своих младших детей — Анны, Николая и Михаила. Старшая из троих, Анна Павловна пишет об их отношениях следующее: «Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая, Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный мо-

мент, который был у него. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему. Он говорил, что его отдалили от его старших детей, отобрав их от него с самого рождения, но что он желает окружить себя младшими, чтобы познакомиться с ними» [5, с. 12]. Если верить словам Анны Павловны, то император относился к младшим детям с большой любовью и, кроме того, желал, так сказать, наверстать упущенное и хотя бы для младших детей действительно стать отцом.

У младшего брата Анны, Николая детских воспоминаний об отце и его внимании к ним было намного больше. Говоря о чувствах отца, Николай I пишет: «Отец мой нас нежно любил» [1, с. 72]. Отношение же Анны, Николая и Михаила к отцу было взаимным: «мы очень любили отца и обращение его с нами было крайне доброе и ласковое» [1, с. 76]. Поступки же императора Павла I по отношению к своему сыну Николаше также говорят сами за себя: «однажды, когда мы приехали в <...> Павловск <...> я увидел его (императора – Е. С.), идущего ко мне на встречу со знаменем у пояса, <...> он мне его подарил; другой раз Обер-Шталмейстер граф Ростопчин, от имени отца, подарил мне маленькую золоченую коляску с парю шотландских вороных лошадок и жокеем» [1, с. 72]. Как и сестра, Николай также весьма ярко описывает желание своего отца видеть детей в те свободные минуты: «Мы спускались регулярно к отцу в то время, когда он причесывался <...> Нас, т. е. меня, Михаила и Анну впускали в комнату <...> и отец с удовольствием нами любовался, когда мы играли на ковре» [1, с. 76-77].

Помимо свидетельств младших детей императора до наших дней дошли и свидетельства третьих лиц. Пожалуй, самый интересный эпизод оставил комендант Михайловского замка Николай Осипович Котлубицкий: «В последний день своего царствования <...> он (император – Е. С.) приказал позвать детей к себе; когда их привели, <...> Павел сбросил шпагу и, бросивши на пол с дивана подушку, играл с ними на полу. Потом, когда он их отпустил, воротил опять великую княжну Анну Павловну: «Аннушку ко мне!» – закричал он. И когда няня принесла ее опять, государь снял со стены небольшой образ Пресвятой Богородицы, <...> перекрестил ее несколько раз образом и, положив его ей за пазуху, отпустил» [4, с. 300-301].

Таким образом, наибольшая сложность в вопросе взаимоотношений императора Павла I со своими детьми заключается в их минимальном общении. Павел I не имел возможности в полной мере проявлять свои отцовские чувства к старшим детям. Поэтому его внимание и любовь в полной мере достались трем самым младшим детям.

Библиографический список

1. Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время: Документы, письма,

дневники, мемуары, свидетельства современников и тр. Историков. Т. 1 / [Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова]. М., 2000.

2. Записки Августа Коцебу. Незданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле // Трагедия русского Гамлета / [Н.А. Саблуков и др.]. М., 2011.

3. Записки Н. А. Саблукова // Трагедия русского Гамлета / [Н.А. Саблуков и др.]. М., 2011.

4. Павел I глазами современников: [антология / сост., предисл., коммент. Е.И. Лелиной]. СПб., 2016.

5. Стрижак В. Н., Соколов А. Р., Раскин Д. И. Анна Павловна. Русская принцесса на Голландском троне. СПб., 2003.

Г.А. Чернов

Пензенский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ ДВОРЯН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII в.

В последние годы все больший интерес в научном историческом сообществе привлекают микроисторические исследования. Данный подход позволяет взглянуть на предмет исследования под новым углом, что особенно актуально при изучении истории повседневности.

Проблема правового и социального положения дворянских внебрачных детей изучена недостаточно. Как отмечает П.Л. Полянский, в дореволюционной историографии господствовало мнение о том, что незаконнорожденный ребенок в Российской Империи приобретал социальный статус своей матери [3, с. 47]. Подобная точка зрения выражалась и в работах постсоветского периода [4, с. 149]. Однако, на практике так было не всегда. Как справедливо полагает А.А. Крылова, комплексный подход к исследованию данной проблемы требует привлечения обширного круга источников: от метрических книг до материалов судебных разбирательств. Целью же нашей работы является введение в научный оборот одного из таких источников, а именно – материалов ревизии Пензенской палаты уголовного суда дела, поступившего из Городищенского уездного суда в 1787 г., о незаконном владении крепостными князем Никитой Темировым [1, оп. 2. д. 273. л. 460–469].

Дело поступило в нижнюю земскую расправу в результате ревизии, в ходе которой открылось, что среди крепостных князя Темирова есть трое молодых людей, сыновей его дворовой девки Ирины Максимовой, которые «не показаны ни наличными, ни убылыми, ни прибылыми» [1, оп. 2. д. 273. л. 460–469]. Из показаний свидетелей, среди которых была супруга Темирова, Устинья Ивановна и священник, Семен Андреев, суд определил, что несколько лет назад князь Темиров повредился умом. Дела же